

истиннолюбию и геройству, которым они и сами не меньше их исполнены были...»¹²

Как видим, Сумароков не столько дистанцирует нравы славянских предков от татарских, сколько сближает их в противопоставлении лицемерию французов, хотя о каком-либо отождествлении российских нравов с татарскими, как это часто делали европейские авторы, у Сумарокова также речи не идет: «Я очень далек от того,— продолжает он,— чтобы Татар Французам предпочтитель; ибо у Татар нет ни единых школы. Но не было бы худа, ежели бы и у Французов школ было поменьше. <...> Истинная наука приводит к познанию Божества и человечества, а суетное и обремененное мудрование приводит к заблуждению, суеверию и безбожию. Татары имели основание на мужестве и истине, и нас никогда не портили; а портят благородное Российское юношество французские худонравные учителя. <...> Вот причина нашего развращения, а не Татары».¹³

Редакция «Всякой всячины» не сочла возможным поместить посланное Сумароковым возражение на страницах своего журнала. Прежде всего это противоречило ее долгосрочным планам, с которыми было связано помещение во «Всякой всячине» материала, провоцировавшего обсуждение вопроса о татарских нравах в нужном ей русле. Кроме того, совершенно неожиданно Сумароков, по-видимому, сам того не подозревая, обнажил в своем возражении скрытую подоплеку всей затеянной Екатериной II игры вокруг вопроса об исконных русских нравах, когда перевел обвинения г. Примечаева с татар на французов.

Для понимания последнего обстоятельства очень важно, что в том же 5-м листе «Всякой всячины» сразу же после письма Евдокима Примечаева под № 13 была помещена еще одна, явно мистифицированная, корреспонденция от некоего *Адама Адамовича Варгейта*, серебряника (т. е. серебряных дел мастера), сообщавшего издателям журнала о своем знакомце, учителе-французе, бывшего до этого сапожником, солдатом и кучером. Этот француз отдал на лом Варгейту серебряную медаль со странным изображением на ней: «Представляет она с одной стороны Султана Турецкого, на престоле сидящего, из которых один наднес меч на главу простертого у ног султанских человека: лилеи, изображенные на порфире его, поднесенные им в мешках деньги, лежащие у подножия престола; все сие довольно показывает, откуда, кто и для чего сей в рабском виде представленный человек. Но другая сторона медали еще боле то изъясняет в следующей надписи: „Друг Турок, друг Алжирцев, друг варваров, ненавистник и гонитель христиан“».¹⁴ Приятель ювелира, которому Варгейт показал медаль, так откомментировал надпись: «нечему де дивиться, что бывало, то есть и будет».

Издатели журнала в свою очередь сопроводили публикацию письма Адама Адамовича следующим заключением: «Спасибо господину Варгейту, что он свету открывает такие великие правды. О сем только сказать

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 315–316.

¹⁴ Всякая всячина. С. 40.